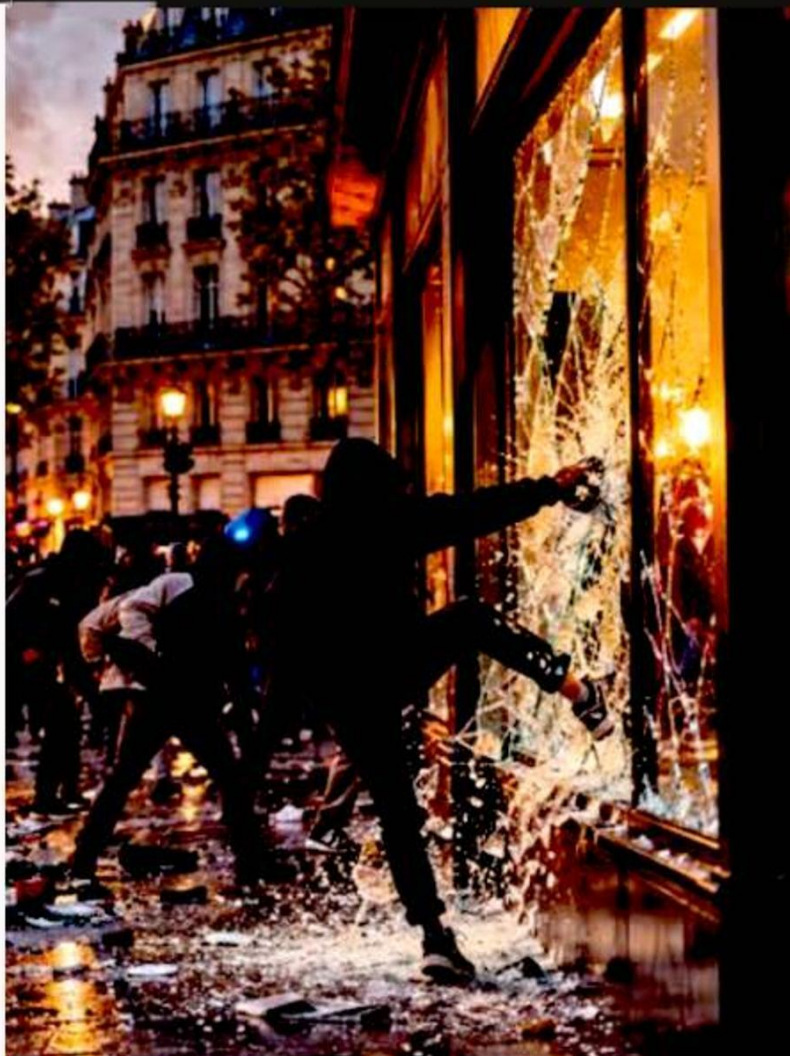

Владимир
Колганов

Меа супра

Владимир Колганов

Mea culpa

«Автор»

2026

Колганов В. А.

Mea culpa / В. А. Колганов — «Автор», 2026

Эта книга стала продолжением романа, который ещё не имеет названия и неизвестно когда и чем закончится. Ранее было опубликовано сорок девять глав, от «Иллюзиона» и «Мадлен» до «Мудрости без ума» и «Абсолюта». Влад видит свою вину в том, что смог остановить войны лишь на время. Не удалось ему и защитить мирные города от вражеских дронов. А тут ещё массовые беспорядки в Париже, городе его мечты. Влад нашёл виновника и собирается использовать более эффективные методы для восстановления мира и спокойствия на Земле.

© Колганов В. А., 2026

© Автор, 2026

Владимир Колганов

Mea culpa

1. Царица доказательств

Mea culpa в переводе с латинского означает «моя вина». В религиозном обряде католиков с одиннадцатого века используется формула покаяния в виде словосочетания mea maxima culpa, «моя величайшая вина»: «Исповедую, что я много согрешил мыслью, словом и делом. Моя вина, моя вина, моя величайшая вина!» Верующие в ходе этой молитвы, как правило, ударяют себя три раза кулаком в грудь. Для тех, кто совершил убийство, удара кулаком недостаточно – нужно, чтобы кающийся трижды бросился на землю, повторяя: «По моей вине. Я согрешил. Господи, помилуй меня!» Обращение к Богу не спасает убийцу от наказания, но даёт надежду на спасение души.

Только через две тысячи лет после Рождества Христова папа римский счёл возможным произнести слова mea culpa от имени всей католической церкви. Он попросил прощения и признал вину верующих за восемь совершённых ими грехов: преследование евреев, раскол церкви и религиозные войны, а также крестовые походы и оправдывающие войну теологические догматы, и уж конечно, неприемлемо презрение к меньшинствам и бедным, оправдание рабства. Понятно, что никакого наказания за грехи не последовало, поскольку прошло уже много лет и грешники давно уже томятся в преисподней. Гораздо логичнее было бы потребовать покаяния от тех, кто развязывает войны и безудержно богатеет в то время, когда миллионы жителей Земли едва сводят концы с концами, влача жалкое существование.

Однако чувство вины, угрызения совести неведомо тем, кто нажил себе состояние, нарушая закон и нравственные принципы. Да и в наказание за тяжкие грехи никто из них не верит, так что слова, произнесённые с амвона церкви, пролетают мимо ушей, не потревожив их покой и благополучие. Как известно, вина возникает из-за мук совести человека, а стыд – из-за публичного осуждения. Но совести у таких людей сроду не было, на осуждающих им наплевать, а то и затаскают по судам, обвиняя в клевете и унижении своего личного достоинства. Поэтому и пришлось мне использовать дьявольские методы, хотя заранее было ясно, что моё подвижничество неспособно изменить природу человека.

Зигмунд Фрейд, как всегда, достаточно очевидное обложил таким количеством умозрительных соображений, что суть затерялась в дебрях, созданных его воображением. Фрейд рассматривал вину как восприятие «Я» критики «Сверх-Я», как несоответствие между требованиями «Сверх-Я» и достижениями «Я». И вот оказывается, что тревога и страх, возникающие в Super-ego, являются источником чувства вины – «Сверх-Я» осуждает «Эго», и это приводит к появлению чувства вины. Допустимо, хотя слишком уж замысловато. Но вот с какого бодуна Фрейд счёл, что чувство вины свойственно преимущественно мужчинам? Тут якобы не обойтись без идентификации с отцом, поэтому «Сверх-Я» женщины является неполноценным. Вот только так и не иначе! Хотя можно представить массу подтверждений того факта, что женщины способны испытывать вину не меньше, чем мужчины.

Что уж говорить о версии происхождения вдохновения. По мнению Фрейда, связь между сексуальностью и творчеством строится через сублимацию – это некий защитный механизм психики, при котором неуправляемая энергия сексуального влечения, Фрейд назвал её либидо, перенаправляется на социально одобряемые и культурно значимые цели, такие как наука, искусство и литература. Зигмунд Фрейд рассматривал либидо не просто как физиологический инстинкт размножения, а как универсальную психическую энергию созидания и удовольствия. В тех случаях, когда прямое сексуальное удовлетворение невозможно или блокируется социальными нормами, эта энергия питает творческие силы человека.

По мнению Фрейда, художественное или научное творчество является всего лишь каналом разрядки напряжения. Картина, музыкальное произведение или литературный текст выступают «сублимированным» воплощением бессознательных желаний, фантазий и детских травм автора. Способность к познанию возникает примерно в шесть лет, когда сексуальные импульсы временно затухают и перенаправляются на обучение и социализацию. Творческий акт по Фрейду родственен сновидению или фантазированию: в нём художник безопасно для себя и общества выражает подавленные влечения, превращая личные переживания в эстетическую ценность.

А я-то бедный, даже не догадывался, что писал картины и книги только потому, что меня мучили подавленные влечения. Да ничего я не подавлял! Хотя и не усердствовал. А Фрейду при встрече сказал бы: не судите по себе!

Детский психиатр Мелани Кляйн внесла свой вклад в запудривание мозгов людей. Она рассматривала чувство вины как результат конфликта между любовью и ненавистью, причём по отношению к одному и тому же объекту. К какому же? Да к материнской груди, не больше и не меньше! Возможно, у неё были какие-то проблемы в детстве?

Так оно и есть! В детские годы особо близкие отношения сложились у Мелани со старшей сестрой. Однако сестра умерла в возрасте девяти лет, и Мелани тяжело переживала эту утрату. Через несколько лет умер её брат, а когда Мелани Кляйн исполнилось восемнадцать лет, умер отец. Но и на этом череда смертей не прекратилась – спустя несколько лет скончалась мать. Ну что поделаешь, человек смертен, и с этим следует смириться. Но в душе Мелани потеря близких вызвала необратимые изменения – глубокая депрессия повлияла на её мироощущение и характер. Наверняка когнитивные способности тоже пострадали, и вот вам результат.

Парадоксально, что человек, у которого налицо признаки маниакально-депрессивного психоза, взялся за лечение психически больных детей. Вряд ли сложение двух психозов приведёт к их взаимному уничтожению, но, видимо, Мелани надеялась таким образом избавиться от воспоминаний. Клин клином выбивают, но это явно не тот случай. Скорее уж ей помогли ожесточённые дискуссии с дочерью Фрейда Анной, та стала продолжателем дела отца. После этого в Британском обществе психоаналитиков произошёл раскол и образовались три группы – кляйнианская, фрейдовская и независимая.

На самом деле, есть проверенный способ избавления от депрессии – помогает злость, реализуемая в виде некоего комплекса активных действий против предполагаемых виновников наших несчастий. Тогда собственные проблемы отходят на второй план, ну а победа вызывает прилив сил или же благостное состояние, это уж кто какой вариант предпочитает. Нечто подобное произошло и с Мелани.

От фантазий полусумасшедших психоаналитиков плавно перейдём к интеллектуальным изысканиям экзистенциалистов – те возвели вину до уровня философских категорий, как нечто, имеющее бытийный характер и существующее не в душе, а в бытии. По их мнению, человек несовершенен изначально, поэтому избежать переживания чувства вины нельзя. Экзистенциальная вина появляется у человека, если он осознаёт, что имеет обязательства перед собственным бытием и понимает, насколько важно реализовать бытийный потенциал, данный ему природой.

Ирвин Ялом подчеркивал тесную связь чувства вины с ответственностью. Он выделял невротическую, подлинную и экзистенциальную вину. Ролло Мэй считал, что чувство вины появляется из-за восприятия различия между тем, кем является человек, и тем, каким, по его мнению, он должен быть. Это происходит в том случае, если человек отрицает собственные потенциальные возможности или же терпит неудачу. Мэй выделил три формы экзистенциальной вины. Во-первых, вина как результат недостаточной самореализации – люди наделены интеллектуальными, эмоциональными, физическими возможностями, но не всегда их реализуют. Вторая форма экзистенциальной вины возникает из-за невозможности слияния субъекта

с близким человеком, отсутствия способности смотреть на мир глазами другого человека, чувствовать, как другой человек. Третья форма экзистенциальной вины проявляется как результат отделения человека от природы, утраты связи с неким Абсолютом – человек не способен понять божественный план мироустройства, он лишь крохотная часть огромного мира. На мой взгляд, в этом подходе понятие вины настолько обобщённое, что его впору приравнять к самому человеческому существованию. Короче, все экзистенциальные завихрения ума следует выбросить на ближайшую помойку.

В когнитивной психологии вина исследуется как способ интерпретации событий. Аарон Бек считал, что вина и самокритика возникают как результат приписывания себе ответственности за неудачи. Позвольте, а кого ж ещё винить, если это и в самом деле моя неудача, в отличие от поражения, вызванного объективными причинами, которые невозможно заранее учесть? Оказывается, только глобальное и стабильное самообвинение, носящее неуправляемый характер, приводит к болезненным переживаниям, при этом «внутренние, частные, нестабильные или управляемые атрибуции являются желательным адаптивным способом переживания вины, так как они сочетаются с мобилизацией условий и стремлением контролировать ситуацию». Честно говоря, ни слова не понял из этой галиматии.

А вот Альберт Эллис, основатель рационально-эмотивной терапии, утверждал, что вина – это неуместное чувство, которое имеет место только там, где есть иррациональные убеждения, те самые, что обусловлены эмоциями, интуицией, привычками, суевериями или когнитивными искажениями, а не взвешенным анализом выгод и затрат. При этом человек действует вопреки своим реальным интересам. Наиболее характерным примером, по мнению Эллиса, является так называемая должномания – мысли типа: «Я должен...», «Я обязан...». Если же у человека отсутствуют иррациональные убеждения, то чувство вины он испытывать не станет. Выходит, чувство долга перед Родиной, перед семьёй иррационально? Это уже полный беспредел или опять издержки нездоровой психики.

Вина в уголовном праве, согласно господствующей в настоящее время психологической теории вины, определяется как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его последствиям. При этом следует различать две формы вины – умысел и неосторожность. На мой взгляд, умысел здесь ни к селу, ни к городу. Если умышленно сделал кому-то гадость, признание вины – это либо глупость, либо лицемерие. Пусть компетентные органы собирают доказательства, прокурор выдвигает обвинение, а судья выносит приговор. И никаких переживаний! Поскольку преступник должен заранее смириться с неотвратимостью наказания. Ну а признание вины, пресловутая «царица доказательств» времён сталинских репрессий, теперь отходит на второй план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.